

Адуся

Автор:

Мария Метлицкая

Адуся

Мария Метлицкая

«Совсем рано, в юности, придирчиво разглядывая в зеркале свои первые мелкие прыщики, недовольно трогая нос, подтягивая веки и поднимая брови, Адуся поняла: нехороша. Этот диагноз она поставила уверенно, не сомневаясь и не давая себе, как водится, никаких поблажек. Сухая констатация факта. Была, правда, еще слабая надежда на то, что буйный и внезапный пубертат все же осторожно и милостиво отступит, но годам к семнадцати и она прошла. К семнадцати годам, если тому суждено, девица определенно расцветает. Не вышло. Теперь оставалось либо смириться и жить с этим – навсегда, либо пытаться что-то изменить. Адуся выбрала второе....»

Мария Метлицкая

Адуся

© Метлицкая М., 2015

* * *

Адусины наряды обсуждали все и всегда. Реже – с завистью, часто – скептически, а в основном – с неодобрением и усмешкой. Еще бы! Все эти пышные воланы, сборки, фалды и ярусы, бесконечные кружева и рюши, ленты и тесьма, буфы и вышивка, панбархат, шелк, крепдешин и тафта – все

струилось, переливалось и ложилось мягкой волной или ниспадало тяжелыми складками.

Совсем рано, в юности, придирчиво разглядывая в зеркале свои первые мелкие прыщики, недовольно трогая нос, подтягивая веки и поднимая брови, Адуся поняла: нехороша. Этот диагноз она поставила уверенно, не сомневаясь и не давая себе, как водится, никаких поблажек. Сухая констатация факта. Была, правда, еще слабая надежда на то, что буйный и внезапный пубертат все же осторожно и милостиво отступит, но годам к семнадцати и она прошла. К семнадцати годам, если тому суждено, девица определенно расцветает. Не вышло. Теперь оставалось либо смириться и жить с этим – навсегда, либо пытаться что-то изменить. Адуся выбрала второе.

Жили они вдвоем с матерью, которую Адуся безмерно обожала. Мать служила в театре оперетты, дарование было у нее скромное, но была она определенно красавицей и дамой светской, то есть посвятившей жизнь самой себе.

С Адусиным отцом, рядовым скрипачом театрального оркестра, она рассталась вскоре после рождения дочери, так до конца и не поняв, для чего был нужен этот скоротечный (будто кому-то назло, что, видимо, так и было) брак с некрасивым, тощим и носатым мужчиной. И зачем ей ребенок от этого брака – некрасивая болезненная девочка, точная копия отца. Ах, если бы девочка была похожа на нее! Такая же белолицая и гладкая, с той прелестной женственной полнотой, которая не режет, а радует глаз. С шелковистой кожей, пухлыми губами, с темными, густыми, загнутыми кверху ресницами! Ах, как бы она ее любила, наряжала бы, как куклу, демонстрировала с гордостью знакомым, обнимала бы ее и тискала без конца. А так чем хвастаться? Тощим, нескладным, неуклюжим подростком с унылым носом. Вся ее истинно женская плоть и прелесть отвергала дочь с тем негодованием, с которым признают неудавшийся опыт.

Поздним утром после долгого и крепкого сна мать с раздражением и неудовольствием глядела на Адусю, так старавшуюся ей угодить! Крепкий кофе со сливками, гренки с малиновым джемом – не дай Бог пересушить, апельсин, конечно, очищенный и разобранный на дольки... Адуся матерью любовалась. Даже после сна, с припухшими веками и всклоченной головой, она казалась дочери богиней и небожительницей.

После кофе мать откидывалась в кресле, вытягивая изящные ноги в парчовых, без задника, с меховым помпоном шлепках, закуривала и начинала вещать, с неудовольствием оглядывая дочь:

– Нос надо убрать. Сейчас это делают элементарно! – произносила она по складам. – Жри булки и манку. Господи, живые мощи! Ну кто на это может польститься? Гены – страшное дело, ну ничего от меня, ничего, – вздыхала она. – И как мне тебя пристроить?

Иногда, в короткие периоды затишья между многочисленными бурными романами, она пыталась преобразить дочь. Вызывала своего парикмахера, подщипывала Адусе брови, красила ресницы, милостиво швыряла ей свои сумочки и туфли, заматывала вокруг тощей шеи длинные нитки жемчужных бус... Но потом, не получив искомого результата, быстро теряла интерес к процессу.

К полудню приходила домработница Люба. Мать вяло отдавала ей приказания, удобно устраивалась в спальне с телефоном – и начинала бесконечные перезвоны с армией подружек и поклонниц. Обсуждались наряды, романы и сплетни без числа. Адуся же собиралась на работу. Работала она утро-вечер, через день. В соседней сберкассе, в окне приема коммунальных платежей.

Еще будучи совсем юной девицей, она решила поспорить с природой, скупко предложившей ей такой скудный и обидный материал. Критически разглядывая себя в зеркало – размытые брови, близко посаженные глаза, узкий рот, руки, похожие на птичьи лапки, плоскую грудь, тонкие ноги, – Адуся пыталась найти и что-нибудь позитивное. И находила! Волосы были не густые, но пышные, легкой волной. А талия! Где вы видели талию в пятьдесят четыре сантиметра? Правда, увы, на этом список удачного заканчивался, но Адуся вывела разумную формулу. Надо суметь себя преподнести. Не вставать в унылую очередь дурнушек, а выделиться из толпы. Обратит на себя внимание. Объяснить всем, что она особенная. Необычная. В конце концов, главное – суметь в этом всех убедить.

И Адуся принялась за дело. Тогда-то она и подружилась с Надькой-инвалидкой, так безжалостно прозванной Адусиной матерью за высохшую ногу в тяжелом и уродливом ботинке. Надька была молчуньей, с недобрым затравленным взглядом, вся сосредоточенная и зацикленная на двух вещах – своей болезни и своей работе. Из дома она почти не выходила, стеснялась. Продукты ей

приносила соседка, умело обманывавшая Надьку, – цен та совсем не знала. А вот от клиенток не было отбоя. Работала Надька с утра до поздней ночи. Портнихой была от Бога – шила с одной примеркой, никогда не повторяя модели и не сталкивая лбами капризных клиенток. Кроме обычной и точной закройки, она безошибочно угадывала фасоны, удачно скрывала недостатки и подчеркивала достоинства фигуры. Ей достаточно было одного быстрого взгляда, чтобы все оценить и не ошибиться. И брюки, и деловые костюмы получались у нее превосходно, но все же ее коньком были вечерние туалеты. Здесь Надька отрывалась по полной – вышивала узоры, обвязывала золоченой тесьмой, выдумывала затейливые аппликации, оторачивала мехом и перьями, крутила немыслимой красоты цветы из обрезков бархата, тафты и меха. Деньги за заказы брала большие – но кто с ней спорил? С ее талантом, чутьем и безупречным вкусом считались безоговорочно. Она молча выслушивала нервных и капризных дам, кивая или не соглашаясь, крепко сжав в тонких бесцветных губах снопик булавок.

Обшиваться у Надьки считалось привилегией и хорошим тоном. Со всеми она держала непреодолимую дистанцию, а вот с Адусей получилась почти дружба. Почему – вполне понятно. Адусю она сразу причислила к несчастным – некрасива, небогата, нечванлива, без капризов. И к тому же одинока. Это их и роднило. Адуся приезжала не просто по делу на примерку, торопясь и нервничая перед зеркалом. Без настойчивых просьб: «Надя, милая, побыстрее, пожалуйста. Меня ждут внизу в машине (водитель, муж, любовник)!» Приезжала Адуся к Надьке именно в гости. С утра в субботу и на целый день – с хрустящими воцеными пакетиками с кофе из «Чайуправления», только что молотым, и с коробкой разноцветных пирожных из «Праги» – лучшей кондитерской тех лет. Обе были заядлые кофеманки и сладены. Надька варила кофе – целый кофейник на весь день, освобождала половину огромного стола, заваленного бесконечными выкройками, булавками, мелками, обмылками и обрезками – и начинали свой сладкий пир две одиноких души.

Только ей, Адусе, своей единственной и закадычной подруге, Надька доверила свою страшную тайну, ни одной душе неведомую. Тайну о том, как однажды остался у нее на ночь мужчина, водитель одной из клиенток, захвативший вечером за готовым заказом. Остался на ночь. А утром, увидев у кровати безобразный черный, кособокий Надькин башмак, бросился в ванную, где его вырвало прямо в раковину. Так Надька в одночасье распрощалась с девственностью и иллюзиями.

Адуся сочувствовала бедной Надьке, и обе, обнявшись, плакали. Еще Адуся слегка жаловалась подруге на свою резкую, бесчувственную, но все же такую обожаемую мать и вторым пунктом, конечно же, – на тотальное отсутствие женихов. В перерывах между кофе и перекурами Надька ползала по полу – кроила она только там. Потом Надька раскрывала журнал и предлагала Адусе самые свежие модели, измененные и усложненные буйной фантазией и талантом портнихи. Адуся все принимала с восторгом и восхищением.

И начиналось священнодействие. Красили в крепком растворе чая кружева, приобретающие цвет топленого молока или подбеленного кофе, разрезали широкую, с золотой ниткой, тесьму, поуже – на рукав, пошире – на оборку, клеили фиксированные, твердые банты из атласа и капрона, завязывали на свободный крупный узел мягкие шелковые галстуки, обтягивали большие старые пуговицы парчой. Оторачивали обрезками голубой норки весенний светло-серый суконный жакет, кроили легкие, полупрозрачные блузки с обильным жабо, высоко вздергивали фонари рукавов и безжалостно зауживали длинные манжеты, разрывали нити старых бутафорских жемчужных бус и пускали горошинами по воротнику и передней планке платья...

Адуся мужественно мерзла у огромного мутноватого старого зеркала в коридоре, ежась в колючей немецкой кружевной комбинации, а Надька ползала вокруг нее, закалывала, подкалывала, чиркала мелом, бряцала огромными ножницами. Она отползала от Адуси на пару шагов и, прищурясь, довольная, оценивала свою работу. И тощие, с пупырчатой кожей, посиневшие от холода ноги подруги с крупной грубой щиколоткой, тонкой икрой и мосластыми коленями казались Надьке абсолютным воплощением красоты. Потому что это были две здоровых ноги. В изящных туфельках на каблуках. Две полноценных и крепких ноги. А значит, есть шанс на успех и победу. Надька горестно вздыхала и еще крепче сжимала свои узкие, почти бескровные губы. Сейчас, вот сейчас Адуся наденет свою пышную юбку, кокетливо закрутит шелковый шарфик на блузке, обует ноги в замшевые ботильоны на высоком и неустойчивом каблуке, ярко подкрасит губы, встряхнет легкими рыжеватыми волосами – и выскочит на освещенную улицу. Выскочит в жизнь. В ее быстрый поток, бурлящий водоворот. И застучит каблучками по мостовой. И все в ее жизни еще будет, будет наверняка. А в ее, Надькиной, жизни? В который раз Надька придиричиво и настороженно смотрела на себя в зеркало: огромные, с черным ободком вокруг серой радужки, глаза, короткий прямой нос, темные густые волосы, жесткие, как щетка, бледное, почти белое лицо (конечно, совсем без воздуха) и тонкий, искривленный в печальной гримасе рот. Неухоженность, полное безразличие к своей женской природе – это природе в отместку за то,

что так жестоко она с ней обошлась. Надька тяжело вздыхала и садилась за свою нескончаемую работу. В этом и было ее истинное утешение.

Адуся легко выпархивала из захлавленной душной Надькиной квартиры и с жадностью вдыхала московский воздух. Она тихо открывала дверь ключом – не дай бог на шуметь, вдруг мать задремала – и слышала один и тот же недовольный материн вопрос:

– Это ты? – Как будто это опять ее очень огорчило и разочаровало.

– Я, мамуся, – громко отвечала она.

– Господи! – почему-то тяжело вздыхала мать.

Однажды мать ушла в спальню, взяв с собой телефон. По квартире черной змейкой струился перекрученный телефонный шнур. Мать плотно закрыла дверь в спальню. Адуся осторожно подошла к двери и услышала раздраженный и возмущенный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/adusya>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)